

мевающих одновременно и автора, и читателя. Например: «Пора нам, однако, познакомиться с отцами обоих наших приятелей» («Годы учения Вильгельма Мейстера»); «Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться» («Дубровский»); «Жители города и без того, как мы видели в первой главе, душевно полюбили Чичикова» («Мертвые души»); «Сядем поэтому в карету вместе с компанией с Рассел сквера... Мы едва найдем себе местечко между Джозом и мисс Шарп» («Ярмарка тщеславия»); «Еще раз услышим мы голос гофрата Беренса» («Волшебная гора») и т. п.

Другое специфическое использование в произведениях этой группы местоимения «мы»: «мы» означает автора в противопоставлении его читателю. Ср. «...мы не будем занимать внимание читателя обстоятельным описанием горя и мук нашего героя» («Годы учения Вильгельма Мейстера»); «Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кирилла Петровича, о которой сказали мы еще только несколько слов, есть героиня нашей повести» («Дубровский»); «Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям» («Мертвые души»); «Если читатель захочет узнать, до каких еще более высоких постов дослужился Джозеф в этой компании, мы отсылаем его к тому же справочнику» («Ярмарка тщеславия»); «История Ганса Касторпа, которую мы хотим здесь рассказать, — отнюдь не ради него (поскольку читатель в его лице познакомится лишь с самым обыкновенным, хотя и приятным молодым человеком), — излагается ради самой этой истории» («Волшебная гора») и т. п.

В обоих случаях, хотя и по-разному, местоимение «мы» связывает автора и читателя ⁴.

В отличие от персонажей сюжетного плана персонифицированные автор и читатель в большинстве случаев лишены физической и духовной индивидуальности. Образ автора в III ф. моделирует не все поведение человека, а лишь одну его функцию — функцию создателя художественного текста (в отличие от образа автора или повествователя в I ф., в котором моделирование этой функции совмещено и чаще всего отнесено моделированием человеческой индивидуальности). Персонификация читателя в большинстве случаев еще более условна, его функция — это функция лица, которому адресован художественный текст, автор сообщает ему нечто, поучает его, иногда с ним полемизирует (чаще всего — как с представителем литературной традиции и штампа, иногда — как с нравственным или социально-политическим антагонистом). В громадном большинстве случаев мы ничего не узнаем об этом образе, кроме того, что он называется «читателем». Иногда даже слово «читатель» заменено местоимением «вы» («Роман о Тристане и Изольде», «Смерть Артура», «Король-чума», «Севастополь в декабре», «Вечный муж»), местоимением «мы» (примеры см. выше), безличным описательным наименованием («для тех, кто интересуется Форсайтами...»), повелительной формой глагола («В Париже кумовство своего рода Священный союз — запомните эту истину» — «Кузина Бетта»; «Представьте себе полководца, потерпевшего поражение» — «Титан»).

Конкретизация читателя, наделение его собственным именем, полом, возрастом, определенным общественным положением, индивидуальным характером встречается довольно редко. Примером такой конкретизации является «Ярмарка тщеславия», где автор различает читателей — женщин и мужчин, пишет о какой-то корреспондентке, обратившейся к нему с пись-

⁴ Совсем другую семантику получает местоимение «мы» (и «я»), когда оно употребляется в значении «все люди», «человечество» («какой-то человек», «любой человек»). Такое использование этого местоимения возможно и в группе 2с., например: «Что такое все это значит? Отчего произошло это? Что заставляет этих людей сжигать дома и убивать себе подобных?... За разрешением этих вопросов мы обращаемся к науке истории»; «Вы говорите: я не свободен. А я поднял и опустил руку. Всякий понимает, что этот нелогический ответ есть неопровержимое доказательство свободы» («Война и мир»).